

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Проблемы морали

Кенни в четвёртом томе своей книги в рассмотрении узловых категорий философской мысли XIX и XX веков от проблем психологии переходит к этике и эстетике. Самое серьёзное внимание он уделяет моральной системе датского философа Кьеркегора, которая во многом напоминает систему Шопенгауэра. Оба философа глубоко пессимистично смотрят на этическое состояние среднего человека.

Система Шопенгауэра была построена на атеистической метафизике. Кьеркегор эволюционирует против фундамента протестантского христианства. Для него отречение, которое является высшей точкой этической жизни, является лишь предварительным условием для окончательного скачка веры. В то время как программа Шопенгауэра призвана привести к стиранию индивидуальности, Кьеркегор стремится поставить человека в полное владение его собственной личностью как уникальным творением Бога.

Если говорить об эстетике Кьеркегора в видении Кенни, он излагает такую точку зрения датского философа: «Человек руководствуется своими чувствами и слепым чувством тяги к духовным ценностям, но мы не должны думать о нём как о чувственном хаме, обывателе, обжоре, или о человеке с сексуальными отклонениями». Эстетический человек, утверждает Кьеркегор, заблуждается, когда он думает о своём существовании как о свободе. На самом деле даже эстетический человек чрезвычайно ограничен.

Такой человек, говорит Кьеркегор, находится в состоянии отчаяния. Отчаяние от болезни, от смерти, от неблагополучия не означает состояние уныния или депрессии. Эстетический человек вполне может верить, что он счастлив. Отчаявшийся человек, с точки зрения Кьеркегора, это человек, у которого нет надежды на что-либо более высокое, чем его нынешняя жизнь. Отчаиваться – значит не осознавать возможности достижения высшего, духовного «Я». Отчаяние не редкое, но почти универсальное явление. Большинство людей, по выразительной фразе Кьеркегора, «закладывают себя в мир». Они используют свои таланты, накапливают деньги, ведут мирские дела, стараются тщательно вычислять выгоду, достигают чего-то, даже, возможно, упоминаются в истории, но сами по себе они не являются принадлежащими себе. Они не имеют ни абстрактного «Я», ни того «Я», ради которого они могли бы рисковать всем.

Первым шагом к исцелению является осознание того, что человек находится в отчаянии. Уже в скрытых тайниках эстетического счастья человека пребывает тревожный страх. Постепенно он может осознать, что его рассеивание – это рассеивание самого себя. Он столкнётся с выбором: оставить себя в отчаянии или двигаться вверх, посвятив себя этическому существованию.

Характер такого существования и необходимость его осуществления наиболее полно изложены в письмах Вильгельма, вымышленного автора одного из произведений Кьеркегора. Вильгельм является полностью оплачиваемым членом этического общества. Он счастлив в браке, отец четырех детей и судья гражданского суда. К несчастью для читателя, у него есть тяжеловесная манера письма, совершенно отличная от остроумного и стиля, которым Кьеркегор наделил другого вымышленного автора, эстетического, который теперь является получателем назидательных писем Вильгельма.

Вильгельм идёт на многое, чтобы выразить контраст между эстетическим и этическим характером, и суммирует его в следующих терминах. Мы говорили, что каждый эстетический взгляд на жизнь – это отчаяние, потому что он построен на том, что может быть, а может и нет. Это не относится к этическому взгляду на жизнь, поскольку это строит жизнь на том, что является её существенным свойством. Эстетика заключается в том, что человек сразу становится тем, кем он является. Этика же заключается в том, что человек становится тем, кем он становится.

Кьеркегор придаёт большое значение понятию «Я». Люди часто хотят иметь таланты или добродетели других, но они никогда всерьез не желают быть другим человеком. На эстетической стадии самость неразвита и недифференцирована, болото нереализованных и противоречивых возможностей, жизнь – истерическая серия опытов без исхода. Эстет находится в состоянии постоянной беременности, всегда в муках и никогда не рождает себя. Войти в этическую стадию – это значит взяться за формирование своего истинного «Я», где «Я» означает нечто вроде свободно выбранного характера. Вместо того, чтобы просто развивать свои таланты, человек следует призыванию. Этическая жизнь – это долг. Долг, однако, не навязанный извне, а внутренне осознанный. Надлежащее развитие личности предполагает интернализацию универсального права.

Судья Вильгельм не предлагает нам последнее слово Кьеркегора о морали, потому что в его системе этика не является высшей категорией. Сам Кьеркегор не устроился на работу и не женился, что является двумя вехами этической жизни. Из-за своей собственной истории и истории своей семьи он чувствовал себя неспособным полностью делиться всеми секретами, которые, по его мнению, были необходимы для хорошего брака. Сталкиваясь с требованиями этической жизни, Кьеркегор говорит нам, что человек со временем начинает живо осознавать человеческую слабость, он может попытаться преодолеть ее силой воли, но найти себя неспособным сделать это. Человек осознаёт, что собственных сил недостаточно для удовлетворения требований нравственного закона. Это приводит его к чувству вины и осознанию греховности. Если он хочет уйти от этого, человек должен подняться из этической сферы в сферу религиозную. Как говорит Кьеркегор, он должен совершить «прыжок веры».

Далее Энтони Кенни очень своеобразно раскрывает философское наследие Фридриха Ницше. Отношение к этому философу после Второй Мировой войны было весьма и весьма неоднозначным. Совсем недавно цитирование Ницше приравнивалось к цитированию Адольфа Гитлера и других идеологов нацизма. Хотя мне всегда казалось, что Ницше на территории бывшего СССР можно было переводить на русский язык и раньше 90-х годов XX века. Но эти переводы появлялись лишь в эпоху перестройки. Ницше, наверняка, пришёл бы в ужас, если бы увидел, как его наследие использовали нацисты.

Энтони Кенни достаточно откровенно и объективно раскрывает отдельные позиции философии Фридриха Ницше. Хотя нельзя с уверенностью сказать, что Кенни симпатизирует этому глубокому философу.

Кенни говорит, Ницше согласился с Кьеркегором в том, что призыв к христианской жизни не может быть оправдан разумно. Не то, чтобы Ницше проводил много времени, демонстрируя, что христианство иррационально. Его главная жалоба на него была скорее в том, что оно было унижающим достоинство. В своём произведении «Генеалогия морали» Ницше стремится не столько опровергнуть утверждения христианской морали, сколько проследить её неблагородную родословную.

История, говорит Ницше, демонстрирует два разных вида морали. В древности сильные, привилегированные аристократы, чувствуя себя принадлежащими к более высокому ордену, чем их собратья, описывали собственные качества – благородное рождение, храбрость, откровенность, мягкость и тому подобное – как «хорошие». Они считали характеристики плебеев – пошлость, трусость, лживость, необразованность – «плохими».

Бедные и слабые, обиженные на власть и богатство аристократов, перевернули эту систему с ног на голову. Они создали свою собственную контрастную систему ценностей «мораль для стада», которая делает ставку на такие черты, которые приносят пользу аутсайдеру (смирение, сочувствие, доброжелательность). Они видели в аристократическом типе человека не столько плохого, сколько позитивно злого.

По мнению Ницше, успех христианства привёл к вырождению человеческой расы. Систематическая нежность к слабым снижает общее здоровье и силу человечества. В результате этого современный человек является простым гномом, который потерял волю быть настоящим человеком. Вульгарность и посредственность становятся нормой. Лишь изредка всё ещё мелькает воплощение благородного идеала. Так писал Ницше в конце XIX века.

Истина заключается в такой ошибке, без которой конкретное живое существо не может выжить. Жизнь – это высшая ценность, по которой должны судить всех остальных. Ницше считал: «Всякий раз, когда мы говорим о ценностях, мы говорим под вдохновением жизни и с точки зрения жизни. Сама жизнь заставляет нас устанавливать ценности. Именно жизнь делает оценку с помощью нас всякий раз, когда мы позиционируем ценности». Человеческая жизнь – это высшая форма жизни, но в современном мире она опустилась до уровня некоторых предшествовавших ей форм. Мы должны утвердить жизнь и вывести ее на новый уровень, совершить синтез, выходящий за рамки тезиса и антитезы мастера и раба, «Сверхчеловека».

Провозглашение Сверхчеловека – это пророческое послание «пресс-секретаря» Ницше Заратустры (в произведении «Так говорил Заратустра»). Сверхчеловек будет высшей формой жизни, высшим подтверждением желания жить. Но наша воля к жизни не должна быть, как у Шопенгауэра, волей к слабым. Она должна быть волей к власти. Воля к власти – это тайна

всей жизни. Каждое живое существо стремится исполнить свою силу, дать полный простор своим способностям. Удовольствие – это просто осознание силы. Знание, в той мере, в какой оно может существовать, когда нет абсолютной истины, является лишь инструментом силы. Величайшей реализацией человеческой силы станет создание Супермена или Сверхчеловека.

Ницше рассматривает человечество просто как стадию на пути к Супермену. «Человечество – это то, что нужно превзойти. Человек – это мост, а не цель». Супермен, однако, появится не через силы эволюции, а только через волеизъявление. Пусть твоя воля скажет: «Супермен должен быть смыслом земли».

Энтони Кенни задаётся вопросом, каким будет Супермен? В «Заратустре» мало что о нём рассказывают, и в своих более поздних философских трудах Ницше больше не использовал эту концепцию. У Кенни создаётся впечатление, что идеалом прототипа Супермена было бы сочетание Гёте и Наполеона, каждый из которых по-разному развивал различные таланты в максимальной степени. Эта комбинация более правдоподобна, чем другая, которую Ницше когда-то описал в блокноте – «Римский Цезарь с душой Христовой».

Кенни признаётся, что ему трудно делать критическое суждение об этике Ницше, так как его письмо часто преднамеренно хаотично. Неудивительно, что взгляды учёных сильно различаются в их интерпретации и оценке. Например, нелегко выяснить, где Ницше стоит по такому вопросу, как мораль жестокости. Осуждая роль вины в рабской морали, он с красноречивым возмущением описывает пытки, причиняемые гонениями на фанатиков. Кенн приводит крылатую фразу Ницше: «Умри с гордостью, если не сможешь жить с гордостью».

Но является ли Ницше этиком вообще? Является ли он истинным моралистом с весьма нетрадиционными взглядами на добродетель и порок? Или он совершенно аморальный человек, не заботящийся о правильном и неправильном? С одной стороны, он явно действует в той же области, что и некоторые великие моралисты прошлого. Его идеальный человек похож на великодушного человека «Никомаховой этики» Аристотеля. С другой стороны, он сам утверждает, что не только представляет новые взгляды на добро и зло, но и выходит за рамки этих категорий. Он называет себя аморалистом и говорит, что нет никаких моральных фактов. Он делает всё возможное, чтобы девальвировать два ключевых понятия большинства моральных систем – справедливость и вину.

Ответ, я думаю, заключается в том, что с традиционной моралью Ницше разделяет предельную заботу о процветании человека. И причина, по которой он осуждает многие общепринятые добродетели, заключается именно в том, что они препятствуют, а не помогают достижению достойной жизни. Но, отдавая предпочтение великому над добром, а дворянину над джентльменом, он показывает, что имеет в своей основе эстетический, а не этический критерий хорошей жизни. По мнению Кенни, идеальный человек Ницше не только не любит ближнего, у него вообще нет ближнего.